

Проблемы формирования «строгой науки» в гуманитарном знании

Введение

В отличие от наук о природе гуманитарные науки, или «науки о духе», до сих пор не становились предметом преимущественного внимания социологии науки. Под социологическим исследованием науки и до сих пор понимают изучение именно естественнонаучного знания, которое неявным образом отождествляют с наукой вообще. Вместе с тем за этой установкой лежит и более фундаментальная ориентация представителей самих гуманитарных наук на естественные науки как на образец научности как таковой — в смысле логической оформленности, системности, эксплицированных критериев общезначимости и достоверности и т. д. Следует сразу же отметить, что эта ориентация на естествознание отнюдь не тождественна заимствованию натуралистических моделей объяснения или же пониманию формализации и математизации как показателей «созревания» гуманитарных наук в их приближении к естественнонаучному образцу.

Нам хотелось бы представить проблему с несколько иной стороны, исходя из того, что современные гуманитарные дисциплины уже оформлены и обладают соответствующим категориальным аппаратом, объяснительными схемами, механизмами методологической саморефлексии и т. д. В данном случае также нет необходимости специально обращаться к знаменитому неокантианскому «спору о методе» рубежа веков, хотя его значение для становления методологической самостоятельности гуманитарного знания несомненно. Предметом исследования станет скорее исторический аспект этой оформленности и самодостаточности. Следует особенно подчеркнуть, что наше исследование исторически ограничено временем

складывания современного гуманитарного знания, когда ведущей была ориентация на образ позитивной науки, заимствованный из естествознания. Начиная уже с 1960-х гг. этот образ «строгой» упорядоченной науки подвергается существенным трансформациям как с точки зрения методологии, так и особенно идеологии науки — именно естественной. Немалый вклад в эти изменения внесло развитие постпозитивистской теории и социологии науки, на которую мы будем опираться в нашем исследовании. Поэтому необходимо учитывать и включить в объяснение перемену самого образа научности, произошедшую уже после оформления гуманитарного знания в качестве «строгих наук».

Здесь нам хотелось бы рассмотреть возможности анализа гуманитарных наук с помощью исследовательских подходов современного науковедения, исходя прежде всего из теории парадигм Томаса Куна, изложенной в его классической работе «Структура научных революций» (Кун, 1975). Тема когнитивного и социального (институционального) упорядочения научного знания была центральной для американской социологии науки 1960—1970-х гг. (Р. Уитли, Н. Маллинз, Э. Шилз). Во второй половине 1980-х гг. в концепции «науки в действии» Бруно Латура формулируются наиболее эвристичные, на наш взгляд, представления о внутренней динамике процесса онаучивания, систематизации и рационализации знания в той или иной исследовательской области. В данном случае мы предполагаем не механический синтез трех указанных концепций (Куна, Маллинза и Латура), но рассмотрение их объяснительных возможностей для анализа процесса становления гуманитарных наук в последней трети XIX и первой трети XX века. Кроме того, в нижеследующих разделах мы попытаемся доказать, что каждый из этих трех указанных «шагов» в исследовании науки последовательно раскрывает динамику формирования жесткого концептуального ядра гуманитарных дисциплин. Наконец, предстоит рассмотреть саму возможность и границы парадигмального подхода к анализу гуманитарного знания и результативность приложения объяснительных схем современного науковедения к изучению становления наук о человеке.

Если ограничиться хотя бы рядом университетски оформленных дисциплин (давших начало соответствующим факуль-

тетам) — историей, философией, психологией, социологией, то мы обнаружим в ходе их развития появление школ или концепций, задающих этим наукам «сильную необратимость» в смысле становления их именно в качестве «строгих» и методологически упорядоченных. Этот процесс оформления в качестве «строгой науки» включает в себя целый ряд концептуальных новаций, отнюдь не сводится всецело к деятельности конкретного направления и совпадает с некоторого этапа с развитием дисциплины в целом. Показательно также, что деятельность этих школ приходится в целом на один и тот же период, охватывающий примерно последнюю треть прошлого и первую треть нынешнего веков. И все же нас будут интересовать те школы и концепции, с которых, как принято считать, начинается подлинно научное развитие гуманитарных дисциплин — русская формальная школа в литературоведении, школа «Анналов» в исторической науке, социология Дюркгейма, гуссерлевская феноменология и экспериментальная психология Вундта, формализм Вельфлина в искусствознании и т. д.

Кроме того, в описанном ряду гуманитарных наук можно выделить несколько вариантов развития (в смысле влияния этих школ и концепций на последующую эволюцию дисциплины).

1. История и философия обладают прочным академическим (а также университетским) статусом, и отмеченные выше школы — феноменология и «Анналы» — не «перекрывают» собой всю предшествующую легитимную традицию, а скорее отмечают современный этап ее развития. (Причем в случае феноменологии и близкой ей по исходной интенции упорядочения оснований познания аналитической философии наиболее важной оказывается даже не столько значимость ортодоксальных, «школьных» версий этих течений, сколько последующее развитие идей этих школ, порой весьма далеко ушедших от изначальных принципов — вплоть до провозглашения идеи построения философии как строгой науки «отоснившимся сном» [getraumte Traum] у позднего Гуссерля.) О «революции Анналов» (термин Питера Берка) в историографии можно говорить как при изучении непосредственного влияния

идей школы за границами Франции, так и обсуждая близость идей «тотальной истории» и исторической антропологии направлению «структурной истории» в Германии, концепции Р.Дж. Коллингвуда и английской школе «рабочей истории» и т. д.

2. Для социологии и психологии соответственно доктрины Дюркгейма и Вундта выступают как дисциплинообразующие: без них наук об обществе и личности в их нынешнем виде попросту не существовало бы. В обоих случаях научная инновация тождественна становлению дисциплины в целом, что позволяет описывать на примере социологии и психологии формирование «строгой науки» практически в чистом виде¹. Формализм в искусствоведении и особенно филологии занимает здесь промежуточную роль: он притязает быть основанием всей подлинной науки о литературе и искусстве в условиях, когда традиционная (позитивистская, культурно-историческая, психологическая и т. д.) наука уже институционально упорядочена.
3. Искусствоведение и литературоведение к моменту появления формализма существуют как отрасли знания с соответствующим социальным и академическим статусом, и проблема для формалистов заключается в том, чтобы перестроить их на подлинно научной основе. (Заметим, что в историографии и философии нельзя назвать фигуры, сравнимые именно по методологической роли в истории развития дисциплины с русскими и венскими формалистами, — даже Канта

¹Здесь необходимо различать абстрактное и ретроспективное представление о «месте» той или иной науки в системе гуманитарного знания и обстоятельства ее реального появления. Так, в именовании учений о душе от античности до середины XIX в. психологическими концепциями содержится их несомненная модернизация, задним числом приписывающая им статус «предшественников» психологии научной, в то время как Дюркгейм исходил из необходимости позитивного осуществления проекта науки об обществе, только намеченного Контом. Между социальной философией и социологией, учениями о душе и психологией лежит своего рода эпистемологический разрыв, социальные механизмы которого мы пытаемся исследовать.

и Ранке). Формирование же во второй трети нашего века таких сравнительно новых в ряду наук о человеке дисциплин, как этнология, антропология и культурология, с самого начала было ориентировано на опыт выделившихся ранее из области философии отраслей знания — психологии и в особенности социологии (см. изучение социальной и интеллектуальной организации архаических обществ в школе Дюркгейма)².

Итак, проблемы становления гуманитарных дисциплин в качестве «строгих наук» предполагается обсуждать главным образом на материале русского формализма, а также концепций Вундта и Дюркгейма — школ, сыгравших решающую роль в концептуальном оформлении литературоведения, психологии и социологии³.

Формирование парадигмальной матрицы

Приложение концептуального аппарата науковедения (в том числе теории Т. Куна) к истории самой социологии началось уже достаточно давно (Алиева, 1995. С. 61—65). Период становления социологии (условно — от Зиммеля до Парсонса) в методологической плоскости обычно характеризуется как переход от литературной описательности и приблизительности в анализе общества к точности и строгости естественнонаучного знания (Lepenes, 1988). Случай литературоведения тем более интересен, что «дисциплиностроительство» здесь не завершилось социальной институционализацией (как это было с социологией), а, напротив, осуществлялось в условиях уже сформировавшейся академической филологии.

С точки зрения теории научных революций Куна, значение

²Здесь история предстает скорее как фон и предпосылка любого знания о человеке и гуманитарных наук вообще, а не как отдельная научная дисциплина (см.: Фуко, 1994). В этом смысле литературоведение начала века ближе к таким образом понимаемой истории (историко-филологические факультеты университетов) в отличие от связи современной филологии с лингвистикой — начиная с формалистов и Якобсона.

³Ср. анализ современных гуманитарных наук, сводимых в конечном счете к психологической, социологической и филологической эпистемологическим областям (последняя глава «Слов и вещей» Фуко).

деятельности вышеуказанных школ не исчерпывается просто формированием новой парадигмы (на месте другой, исчерпанной потенциал для разрешения головоломок). Наш анализ сосредоточивается на более глубоком и фундаментальном измерении развития науки, чем парадигмальный. Поскольку здесь мы рассматриваем проблематику утверждения самих стандартов научности внутри соответствующих дисциплин, то, в терминологии Куна, скорее следует вести речь не просто о «научной революции», но о более фундаментальном процессе становления «парадигмальной матрицы» в гуманитарных науках, притом ближайшим примером из области естествознания (физики) может являться классическая механика Галилея-Ньютона. В Дополнении к изданию 1969 г. Кун намечает следующие основные компоненты парадигмальной матрицы: 1) символические обобщения, 2) метафизическая (общеметодологическая или мировоззренческая) составляющая, 3) набор ценностей — мотиваций и, наконец, 4) наличие общепризнанных образцов исследования (Кун, 1975. С. 229—236).

Обратившись к истории конституирования гуманитарных дисциплин в качестве «нормальных наук», мы обнаружим на эмпирическом уровне соответствующие выделенным Куном элементы парадигмальных матриц.

1. Концептуальная новация в рассматриваемых нами примерах оказывается сформулированной на новом, специальном языке. Введение новой терминологии — избыточное с точки зрения оппонентов — порождает обвинение в засорении языка науки «кружковым жаргоном» (как о том свидетельствует полемика с формалистами признанного историка литературы А. Горнфельда). Весьма существенно, что обновление словаря, означающее не просто расширение номенклатуры понятий, но именно совершенствование познавательных средств, осознается как необходимое самими новаторами (см. коллективный и резкий ответ формалистов Горнфельду). В этой связи можно также напомнить о формировании языка феноменологии («интенциональность», «редукция», «эпохе», «ноэма» и «ноэзис») на основе словаря позднеантичной и схоластической философии, совершенно активированного

к началу XX в., — в отличие от вокабулярия немецкой классической философии и неокантианства. Введенные формалистами в язык литературоведения понятия — «остранение», «прием», «сказ», «установка», «литературность», «литературный ряд» и «литературный факт», «старшая» и «младшая линия», наконец, «литературный быт» — не просто набор новых терминов, а совокупное выражение нового способа видения и анализа литературы.

2. На «метафизическом» уровне следует указать на исходное для создателей парадигмальных матриц представление об онтологической выделенности предмета своих изысканий в универсуме. Примерами могут служить несводимость факта искусства к факту жизни, литературного ряда к социальному у формалистов, дюркгеймовский «шозизм» в истолковании социальных фактов⁴ (восходящий помимо французского философа Э. Бутру также и к воздействию Вундта). Очень важным качеством открываемого исследовательского поля является — в смысле куновской «перемены гештальта» — его неочевидная ранее наглядность, элементарность и базисный характер как основания самих методов науки. К примеру, необходимая природа социальных фактов у Дюркгейма или специфическая ясность и непосредственность интенциональной жизни сознания формируют основу социологии Дюркгейма и феноменологии Гуссерля с их особым упором на первичность анализируемых в них предметов.
3. Мощная групповая вера и достигаемая степень внутриколлективной интеграции открывателей научности в гуманитарных областях отличает их даже от обычно повышенного в сравнении с «нормальной наукой» уровня мотивации и сплоченности, свойственного основоположникам новых парадигм. Это, разумеется,

⁴Что вызвало у его оппонента — Габриэля Тарда — упрек в приверженности Дюркгейма средневековому реализму относительно рассмотрения социальной реальности.

не снимает, а, напротив, отчасти обостряет отношения внутри новаторских групп (ученики—учителя, боязнь компромисса и самоповтора, тема первооткрывателей и продолжателей и т. д.). Кроме того, деятельность агентов дисциплиностроительства с самого начала носит подчеркнуто программный характер. Эту задачу — перехода литературоведения от университетско-академической отрасли «наук о духе» (нем. *Fach*) к объективной, строго верифицируемой науке (англ. *science*) — сознательно ставила перед собой формальная школа.

4. Последнее тесно связано и с темой наличия «существенных образцов». Работы—манифесты, с которых зачастую начинают преобразование академического поля изучаемые направления, зачастую выполнены именно как показательные пособия и методологические руководства: это и почти одновременно написанные «Метод социологии» и «О разделении общественного труда» Дюркгейма, «Искусство как прием» Шкловского и «Как сделана “Шинель”» Эйхенбаума, и в значительной степени построенные в качестве экскурсов феноменологические работы Гуссерля. Труды такого рода образуют, в свою очередь, основу внутригрупповой идентичности новых школ.

Рассматривая становление «нормальной науки» во втором разделе своей книги, Кун подчеркивает, что «с первым принятием парадигмы связаны создание специальных журналов, организация научных обществ, требования о выделении специального курса в академическом образовании. По крайней мере так обстоит дело в течение последних полутора веков, с тех пор, как научная специализация впервые начала приобретать институциональную форму» (Кун, 1975. С. 38—39). В отношении истории социологии последний феномен наиболее обстоятельно рассмотрен Э. Шилзом (Shils, 1970), который особенно подчеркивает роль и заслуги Дюркгейма как единственного из основателей социологии, преуспевшего в институционализации своей дисциплины (с опорой на университетские институции, журнал «*Année sociologique*» и круг учеников и

последователей). Весьма показательно, что пример становления такого рода неметафизической дисциплины, занятой точно очерченным кругом вопросов, Дюркгейм почерпнул у основоположника экспериментальной психологии Вильгельма Вундта, лабораторию которого он посещал в 1885 г. во время своего пребывания в Германии. (Кстати, в деле институционализации дисциплины — появления специального подразделения: лаборатории, кафедры, специального журнала — немецкая психология примерно на десятилетие опережала французскую социологию). Кроме того, психология Вундта и социология Дюркгейма строятся на схожих методологических основаниях: признании независимой реальности социальных или коллективных причин, возможности абстрагирования от индивидуальной воли, исходя, однако, из существования коллективных феноменов только через индивидуальные сознания⁵.

Проблематика институционализации

Более широко деятельность и внутренняя организация «революционных групп» в различных областях исследований рассматривается Н. Маллинзом на примере этнометодологов, психологов-бихевиористов и исследователей фагов в биологии. Маллинз выделяет следующие признаки и этапы деятельности таких групп;

а) *норма* (первые манифесты и провозглашение исходных принципов);

б) *сеть* (формирование исследовательского микросообщества, внутреннего кружка и среды, подготовка к выпуску собственных периодических изданий);

в) *сплоченная группа* (серия публикаций, в том числе монографий, система взаимных ссылок, резкий рост полемических выступлений, появление второго поколения — учеников);

г) *специальность* — научная дисциплина («фаза учебников» — своя система преподавания, закрепление автономии в академической и университетской среде, вплоть до постепенного размывания и исчезновения исходной группы).

⁵См. отсылки Дюркгейма к объективной психологии в предисловии ко 2-му изданию «Правил социологического метода» (Дюркгейм, 1995. С. 10).

Однако здесь же следует указать на то, что хотя формальная школа в литературоведении, психологическая школа Вундта и социологическая — Дюркгейма и прошли, по Маллинзу, полный цикл институционализации, их успех, особенно на последней стадии, сопровождался внутренним кризисом, а признание результатов деятельности для всего поля соответствующей дисциплины было весьма проблематичным. Причину этого следует искать в том, что в данном случае речь идет не просто об уплотнении коммуникаций и экспертных связей по отношению к среднему уровню «нормальной» (по Куну) университетской науки, что обычно и рассматривалось в американской социологии науки в 70-е гг., а о становлении самых основ — «дисциплинарных матриц» соответствующих гуманитарных наук.

Кроме того, схема Маллинза построена именно для сформировавшихся специальностей, в структурных рамках которых появляются новаторские неформальные группы, проходящие (в идеале) путь от выработки новой нормы до институционализации в качестве самостоятельной дисциплины. Тем самым этапы инновативной деятельности в науке у Маллинза лишь описываются, но не проблематизируются. В частности, непоясненными остаются вопросы: каким образом сохраняются прежние характеристики группы на следующей стадии; меняются ли нормы на уровне специальности; возможно ли регрессивное или, напротив, ускоренное развитие, не проходящее всех намеченных этапов становления, и т. д.

Даже если дополнить куновскую теорию парадигм проблематикой научной институционализации, невозможно ответить, как соотносятся применительно к литературоведению внешняя реставрация академического позитивизма с добавлением марксистского социологизма в 1930-е гг. и произведенная формалистами «перемена гештальта» — превращение литературного произведения из культурного памятника в сделанную вещь; в чем разница между передачей «неявного знания» формалистами своим ученикам по Институту истории искусств и технической «каталогизацией» их открытий ближайшими оппонентами и последующим литературоведением. Ведь проблема непосредственного воспроизводства научной школы, с одной стороны, и ее «растворения» в эволюции науки, в ходе разрешения научной революции — с другой, поставлена у Куна (гл. XII) и Маллинза лишь самым общим и схематичным образом.

Нам представляется, что социологическая реконструкция «науки в действии» Бруно Латуром позволяет проанализировать проблемы институционального и когнитивного упорядочения гуманитарного знания внутренним, имманентным образом — без присущей схеме Маллинза линейности и телеологического видения этого процесса.

Формализм в действии: исследовательский подход Б. Латура

В данном разделе наше внимание будет сосредоточено на анализе трех аспектов становления научности, выделяемых Латуром: 1) проблеме перевода и комбинации ресурсов; 2) рафинации «локального знания» до уровня научного в циклах воспроизводства систематического знания (вопрос о «coming back») и 3) теме успеха — закрепления достигнутой объяснительной схемы в единстве внутренних и внешних факторов.

1. В поисках точного знания в своей области представители рассматриваемых нами школ в первую очередь обращали внимание на соседние отрасли знания, где этот уровень упорядоченности (приближенности к стандартам естествознания) считался в целом достигнутым — в физиологии для психологии, лингвистике для литературоведения, статистике и политической экономии для социологии. Дело, однако, вовсе не заключалось в том, чтобы подменить анализ устройства одной области готовыми ответами из другой сферы — вместо изучения души поэта подсчитывать ударения в его стихах, а на место философской спекуляции просто поставить психофизиологический экспериментальный метод и т. д. В работе выделения новой предметной области подобного рода операции носили вспомогательный характер; речь шла о перенесении типа и подхода обращения с объектом, но не метода и инструмента изучения из соседней «естественнонаучной» области в чистом виде⁶. Рождение

⁶Проблемы применения физиологических подходов в поле философии — что и явилось началом экспериментальной психологии — и социальные обстоятельства такого перенесения рассмотрены в статье Д. Бен-Дэвида и Р. Коллинза (Ben-David, Collins, 1966).

позитивной «науки снизу» (Гуссерль) не тождественно ее позитивистской редукции к натуралистическому объяснению, ибо в таком случае исчезает сам предмет, который необходимо было объяснить⁷.

Общей была безусловная антиметафизическая направленность, лучше всего выраженная в знаменитом манифесте Гуссерля о философии как строгой науке: «Глубокомыслие есть знак хаоса, который подлинная наука стремится превратить в космос, в простой, безусловно ясный порядок. Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения... Превращение чаяний глубокомыслия в ясные рациональные образования — вот в чем заключается существенный процесс новообразования строгих наук» (Гуссерль, 1994. С. 172). Вместе с тем ведущие представители этих школ достаточно критически подходили к собственным позитивистским традициям в рамках данных дисциплин, относя к ним в первую очередь своих умеренных оппонентов — университетских филологов или историографов (для формалистов⁸ и представителей «Анналов»). В целом же можно обозначить общую направленность их научного подхода как позитивную, но не позитивистскую.

2. Между тем исходной проблемой построения «строгой науки» является выделение из объекта науки ее специфического предмета, а значит, и разграничения сферы ангажированного и практического знания и строго очерченного в ней поля науки со все расши-

⁷Обоснование возможностей существования социологической, психологической и филологической областей именно как наук только в качестве соответствующих «проекции» экономики, биологии и лингвистики в сферу знания о человеке, согласно М. Фуко, на наш взгляд, дает весьма приблизительную и сугубо абстрактную картину становления гуманитарных наук (Фуко, 1994. С. 385). В частности, историко-научоведческие изыскания последних десятилетий дают в этом смысле гораздо более сложную и неоднозначную картину такого перенесения «прециозности» из формализованных областей в менее упорядоченные.

⁸А.П. Чудаков в анкете к 100-летию со дня рождения Ю.Н. Тынянова даже предложил исследование русской формальной школы как антипозитивизма в филологии (Чудаков, 1996. С. 58).

ряющейся границей. Именно через это более обширное пространство ученый-наблюдатель должен проходить, каждый раз пополняя багаж систематизированного и общезначимого знания о нем, — одновременно являясь частью данной области. Если для филологии — это поле литературы, то для психолога — поле философии (знание о мире и человеке), для социолога — сфера социального вопроса. Несмотря на всю ангажированность (фигура Шкловского-литератора, профессора философии Вундта или Дюркгейма-политика) — хотя также и благодаря ей, литературоведение, психология и социология становятся науками в современном смысле именно вследствие ориентации их создателей на внутренние механизмы легитимации — «по ту сторону» соответственно литературы, традиционной философии, а также политики. Общей чертой всех рассматриваемых школ были подчеркнутое неприятие дилетантизма и строгая ориентация на профессиональные ценности, в том числе и в институциональном обустройстве своей области.

Процесс становления литературоведения, социологии и психологии в качестве «строгих наук» наиболее наглядным образом можно представить в виде таблицы.

Таблица

«Великое Разделение» в гуманитарных науках

Гуманитарная дисциплина	Область заимствования объективного подхода	Сфера, в отношении которой производится «Великое Разделение»
Литературоведение	Лингвистика и стиховедение	Литературная критика
Социология	Политэкономия, статистика	Политика, социальный вопрос
Психология	Физиология	Философское учение о душе

Борьба с редукционизмом за автономию своей области на рубеже веков была зачастую борьбой против методологических претензий из «соседнего ряда» — против натурализма (например, против рефлексологии в психологии), социологизма и особенно психологизма. Притом дело было даже не в «психологическом империализме», использовании психологического объяснения как универсальной отмычки, против которого выступали в философии Гуссерль, а в социологии — Дюркгейм. Показательно, что сами психологи — бихевиористы и сторонники гештальт-теории — уже с 1920-х гг. стали последовательно избавляться от психологизма как рудиментарного представления об универсальности метода самонаблюдения, от трансценденталистского представления о «гомункулозе», изнутри управляющего всеми поступками и поведением человека. Это было метафизическим остатком и той самой инерцией дисциплины, против которой восставали и историки школы «Анналов» (Л. Февр), отстаивая тотальное (проблемное и многофакторное) видение исторического процесса вопреки позитивистски-научной «историзирующей истории».

Писательский опыт исследователя, уходящего от науки в литературу и возвращающегося к академическим занятиям обогащенным, — типичный для формалистов 20-х гг. (включая и младоформалистов) — является частным случаем такого «coming back» в «технонауке» Латура. Это, в свою очередь, выступает эффективным средством приращения научного капитала (понимаемого в духе П. Бурдьё). Относясь к писателям как ученый, сам прошедший начатки школы творчества, формалист выходит за пределы узкого горизонта писательского «локального», «этнографического» знания и получает власть классифицировать и определять писателю его место в координатах большого мира Истории Литературы, полновластным хозяином которого является лишь сам филолог-формалист. Осуществляя это «Великое Разделение», литературовед присваивает собственному знанию статус рационального и объективного, а писательскому — частного и ограни-

ченного литературной нормой эпохи, которую автор не в силах осознать и тем самым преодолеть. То же можно отнести и к «надполитической» позиции Дюркгейма относительно либерализма и социализма, или к претензии психологического «анализа мировоззрений» (Дильтей) стать своего рода метафилософией, ключом для оценки любых философских построений с точки зрения проявившегося в нем мироотношения. Ученый занимает трансцендентную и объективную позицию по отношению к своему объекту (превращая его в предмет своих исследований).

3. Конечной целью такого предприятия является установление — социальное и научное одновременно — «сильного факта», который не может быть отменен или признан недействительным оппонентами. Показательно, что действующим социально-эпистемологическим механизмом установления сильного факта через многократное абстрагирование и инструментализацию исходного «локального знания» у Латура выступает фактически формалистское «остранение». Разрывая и остраивая, в том числе литературно-эстетически, сращенность академической науки с прежней литературной культурой, формалисты могли выйти за пределы идеологии литературы (как зеркала социальной жизни или биографического факта жизни гения) в футуристически и авангардистски освеженную атмосферу создания новой, подлинной науки о литературе. Созданным в ходе циклов обращения научного знания в литературной среде «сильным фактом» для всей последующей науки о литературе было формалистское понятие «приема», «сделанной вещи», как и представления о социальном факте — для социологии или о законах чувственного восприятия — для исследования внутреннего мира человека. Очень важным с точки зрения установления общезначимого и элементарного базиса для последующего аналитического развития гуманитарной науки, ее аксиоматики было обнаружение — даже в самых развитых формах литературной эстетики, социальной или душевной жизни — этих

первичных и не-обходимых **фундаментальных** фактичностей и закономерностей (здесь «сильный факт» подобен «перемене гештальта» по Куну). Отсюда — важность эпических сказовых форм или клише (поговорок, присловий) для структурного или формального анализа высокой литературы, особенное внимание Дюркгейма и его школы к архаическим («холодным») обществам, отсылка даже в самых разработанных версиях культурно-исторической психологии к исходным данным физиологии чувственного восприятия и т. д.

Одним из упреков, наиболее часто предъявляемых формалистам их оппонентами, было замечание в неоригинальности их ключевой установки на преимущественное изучение формы. Они с готовностью на него отвечали, отсылая к исследованиям формы, распространенным в немецкой филологии начала века (О. Вальцель и др.), доказывая, что главное их собственное открытие состояло именно в **последовательном** проведении данного положения. Ответ на вопрос о критериях самостоятельности во многом, с нашей точки зрения, может дать уже сам суффикс «-изм», который Шкловский, Эйхенбаум и Тынянов добавили к немецкой школе формального анализа. Отличительной чертой всех рассматриваемых нами научных школ, основой их программности является «предметный» империализм — открыто сформулированная претензия на обоснование через новооткрытые базисные положения именно всей соответствующей области знания, в том числе и в отношении границ с соседними дисциплинами, — социологический империализм Дюркгейма, выход формалистов за пределы поэтики сюжетосложения в область самой истории литературы, надисторический характер парных категорий в искусствознании по Вельфлину, психологизм в филологии и т. д.

Главное достижение претендующей на синтез концепции Латура — рассмотрение взаимодействия науки и общества не как соотношения пусть и взаимосвязанных целостностей (то, что он называет «диффузным подходом»), а как единого процесса социального/научного развития.

Заключение

Однако рассмотрение процесса «онаучивания» гуманитарного знания с помощью категориального аппарата современной социологии науки имеет и ряд ограничений. Прежде всего, это ограничение исторического характера — ведь сама общая ориентация представителей гуманитарного знания на образ «строгой науки» математизированного типа сохраняется примерно до середины нашего века. Во второй половине века все большее значение приобретает осознание как самостоятельности и значимости наук о человеке, так и контекстуальной зависимости, практического и герменевтического характера **любого** знания, в том числе и знания о природе.

Наконец, не является ли, с точки зрения становления критериев «строгой науки», более важным исследование не формализма в филологии и искусствознании, Дюркгейма и Вундта, а соответственно структурализма, иконологии Панофского, Парсонса, гештальтпсихологии и бихевиоризма — т. е. школ, завершающих цикл «дисциплинооформления»? Значимость избранных нами течений подчеркивается тем, что в них процесс «онаучивания» гуманитарного знания только начинался и может быть прослежен — учитывая его открытость и проблематичность — именно у истоков, в процессе становления. Именно существование классики, т. е. парадигмообразующих концепций периода формирования дисциплины в роли значимого компонента актуального, а не сугубо исторического, как в естествознании, развития гуманитарных наук, поддерживает их собственную дисциплинарную идентичность.

В гуманитарных науках в отличие от естественных процесс перехода к «строгой научности» не является законченным; их эволюция протекает не кумулятивным образом, а с постоянным возвращением «к истокам», и в особенности — к школам и деятелям периода дисциплинарного оформления (см. роль «классиков» в социологии и психологии, неоформалистские течения в современном литературоведении и т. д.).

В естественных науках совершенно непредставимо сохранение какой-либо допарадигмальной (герметической, аристотелианской и т. д.) традиции наряду с той, что положена Галилеем и Ньютоном, в то время как для ряда гуманитарных дисциплин характерно именно такое сосуществование устой-

чивого «классицистского» и «постреволюционного» (имеется в виду научная революция) модусов развития науки. Здесь мы вновь возвращаемся к очерченному вначале разделению гуманитарных дисциплин на три группы согласно степени их дисциплинарной оформленности. Наиболее значимым груз «допарадигмальной» традиции остается в историографии и искусствоведении (зачастую представляющем собой — как в наших университетах — просто отрасль исторической науки). И если в англосаксонских странах положение аналитической философии на философских кафедрах аналогично гегемонистской позиции «новой критики» в литературоведении, ибо совокупность тех или иных интерпретаций витгенштейнианства практически исчерпывает круг философских проблем, то в целом для европейской ситуации характерна гораздо большая диверсифицированность. Отличие социологии и психологии от других гуманитарных дисциплин заключается в том, что решение головоломки соотношения агента и институтов, личности и среды с самого начала задавалось в рамках «парадигмальных матриц» новых дисциплин, заложенных соответственно Дюркгеймом и Вундтом. Характерно, что сам парадигмальный анализ в области гуманитарных наук наиболее часто применяется именно к истории социологии и чрезвычайно редко — к исторической науке или истории философии.

Наконец, описанные выше «остранение» и рафинирование сфер гуманитарного знания до уровня «строгой науки» могли осуществиться только в обстоятельствах соответствующего состояния социокультурной среды. Иными словами, психология могла зародиться именно в том особом месте, которое философия и физиология занимали в немецкой социальной и академической жизни второй половины XIX в., социология Дюркгейма непредставима вне общественно-политической ситуации Третьей республики во Франции периода дела Дрейфуса и кануна мировой войны, а русский формализм неразрывно связан с пореволюционной российской действительностью и характером эволюции русского авангарда и т. д.

И здесь возникает неразрешимый для мертонианской социологии науки парадокс: с одной стороны, наблюдается рост автономии интеллектуального, т. е. научного, поля, а с другой — все большая включенность этих процессов в эволюцию всей сферы человеческого знания как социальной

действительности *sui generis*. Ведь как уже отмечалось, гуманитарные науки сами являются частью исследуемого ими поля, поэтому ограничение их анализа применением исключительно инструментария современной социологии науки довольно существенно сужает горизонт их аналитического рассмотрения.

Социологический анализ дисциплинарного становления гуманитарных наук с необходимостью предусматривает и рассмотрение социокультурных условий и измерений этого процесса. Согласно К. Манхейму, исходным пунктом такого анализа могут выступать положения о «бытийной связанности» и социальной отнесенности человеческого знания. Если выбрать в качестве конкретной области исследования развитие литературоведения, то можно наметить два взаимосвязанных пути изучения гуманитарной науки — как с точки зрения установок самих ученых — агентов «упорядочивания» данной сферы гуманитарного знания, так и исходя из общей направленности развития самой этой сферы — литературного поля.

В первом случае Л. Гудков и Б. Дубин (1994) предлагают объективированный подход к литературоведческим построениям как проекциям ценностных представлений определенных культурных групп на саму литературу, где «специальный анализ методами социологии знания показал бы конкретную обусловленность социокультурных позиций и определений, релевантных той или иной группе или литературоведческой парадигме и определяющих специфику используемого концептуального аппарата» (Там же. С. 56). Основания такого подхода к эпистемологическим конструкциям как проекциям развивающихся их профессиональных групп можно отыскать в разделах по социологии религии посмертно опубликованного труда Макса Вебера «Хозяйство и общество».

Согласно П. Бурдьё (1993), фрагментом и необходимой составной частью «автономизации поля литературы» является выделение филологии как самостоятельной инстанции, обеспечивающей **внутренний** характер механизма легитимации/иллегитимации литературных произведений. В общем виде у Бурдьё теоретическое «самообеспечение» автономизирующихся полей представлено следующим образом: «Процесс дифференциации сфер человеческой деятельности, который сопутствует развитию капитализма, и в частности конструирование универсумов, обретших относительную независимость и управля-

емых по собственным законам, создает условия, благоприятные для построения “чистых” теорий (в экономике, политике, праве, искусстве и т. д.), воспроизводящих социальное разделение, существовавшее до этого в исходной абстракции, с помощью которой они конституируются» (Там же. С. 50). Предлагая построить «социологию чистой теории», в качестве объектов приложения в примечании к данному тезису Бурдьё указывает лингвистику Соссюра, правоведение Кельзена, политэкономии Вальраса и формалистскую теорию искусства Вельфина.

Социология Бурдьё особенно значима для нашего исследования, поскольку позволяет раскрыть социальную природу самого процесса «онаучивания», как с точки зрения общей эволюции соответствующего поля, его выделения в самостоятельную область человеческой деятельности, так и относительно внутренней динамики и борьбы за академическую легитимность («Homo Academicus»). Ибо для становления гуманитарных дисциплин в качестве «строгих наук» особенно важным является то, что этот процесс начинается, как правило, на периферии или за пределами этаблированного университетского мира (вражда Дюркгейма с моралистами из Сорбонны вплоть до начала XX в., преподавание формалистов именно в Институте истории искусств — а не на филологическом факультете университета; наконец, известные трудности с признанием психологии и особенно социологии университетским сообществом). Социоанализ Бурдьё позволяет описывать логику конституирования научного (в том числе гуманитарного) знания одновременно в нескольких социальных измерениях, задавая тем самым предпосылки исследования гуманитарных наук уже с помощью современной социологии науки.

Литература

Алиева Д.Я. Историческая саморефлексия в современной социологии // Социол. журн. 1995. № 4. С. 50—68.

Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1—2. С. 49—63.

Грифит Б.Ч., Маллинз Н.Ч. Социальные группировки в развитии науки // Коммуникация в современной науке. М. : Прогресс, 1976. С. 131—155.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М. : Новое лит. обозрение, 1994. 352 с.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. 357 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 350 с.

Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М. : Прогресс, 1975. 302 с.

Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты: Пер. с англ. М. : Прогресс, 1980. С. 257—285.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. СПб. : Acad, 1994. 406 с.

Чудаков А.П. Ответы на вопросы анкеты к 100-летию Ю.Н. Тынянова // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; Москва, 1996. С. 58—64.

Ben-David J., Collins R. Social factors in the origins of a new science: the case of psychology // Amer. Sociol. Rev. 1966. Vol. 31, N 4. P. 451—465.

Bourdieu P. Homo Academicus / Transl. by P. Collier. Cambridge : Polity Press, 1989. 346 p.

Latour B. Science in action. How to follow scientists and engineers through society. Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1987. 304 p.

Lepenies W. Between literature and science: the rise of sociology / Transl. by R. Hollingdale. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. 302 p.

Lukes St. Emile Durkheim. His life and work. A historical and critical study. 2nd ed. Stanford : Stanford Univ. Press, 1985. 578 p.

Shils E. Tradition, ecology and institution in the history of sociology // Daedalus. 1970. Vol. 99, N 4. P. 749—795.